

На вопросы редакции отвечает
министр юстиции Российской Федерации
Константин Анатольевич ЧУЙЧЕНКО

ЦЕЛЬ НОТАРИАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ — НАВЕСТИ ПОРЯДОК В СИСТЕМЕ

В 1987 году окончил Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. С 1987 по 1989 год — стажер, следователь прокуратуры Калининского района города Ленинграда. Затем проходил службу в органах государственной безопасности на офицерских должностях.

В 1994–2001 годах — член международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург» (адвокат первой юридической консультации Московского отделения). С 2001 по 2008 год — начальник юридического департамента, член правления открытого акционерного общества «Газпром». С 2008 по 2018 год — помощник Президента Российской Федерации. С 2018 по январь 2020 года — заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — руководитель Аппарата Правительства. Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года № 35 назначен на должность министра юстиции Российской Федерации. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II, III и IV степеней, орденом Александра Невского, орденом Почета, орденом «За доблестный труд».

— Всем известно, что сейчас идет активная, порой даже ожесточенная дискуссия по вопросу нотариальной реформы, и Министерство юстиции находится в ее эпицентре. Возникает вопрос: какие у министерства основные претензии к существующей системе нотариата? Чего удалось достичь за 30 лет, прошедших с тех пор, как приняли Основы законодательства о нотариате, а что сделать не удалось и где развитие если не зашло в тупик, то, по крайней мере, пошло в ложном направлении?

— Независимо от исторического периода и правовой системы нотариат всегда был и остается институтом, производным от государства, специально созданным им для исполнения публично-правовых функций. Работа нотариусов одинаково важна как для простых граждан, так и для крупных корпораций, представителей малого и среднего бизнеса.

За прошедшие 30 лет сформировано нотариальное сообщество на основе принципов независимости, окупаемости, самостоятельной ответственности. И, наверное, это неплохо и так должно быть.

Нотариус, действуя от имени государства, обеспечивает реализацию и защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, государственных интересов путем совершения действий, направленных на придание публичной достоверности, доказательственной силы и бесспорности юридическим фактам. Естественно, все это служит делу укрепления законности, правопорядка, обеспечивает права и законные интересы наших граждан и укрепляет стабильность гражданского оборота. Неслучайно на печати, которую использует нотариус в своей работе, имеется герб Российской Федерации. Это как раз подчеркивает тот факт, что нотариус осуществляет полномочия, которые Российская Федерация ему передала. При этом он остается автономным, самостоятельным, независимым. Никто не вправе нотариусу сказать, какую позицию ему занимать в отношении того или иного нотариального действия. Но, поскольку он осуществляет государственные функции, государство вправе и даже обязано контролировать эту деятельность и смотреть, насколько обеспечиваются интересы граждан, не поражаются ли граждане в правах.

На сегодня у нас сложилась такая система, что Минюст России практически не имеет никаких полномочий в области контроля и надзора за деятельностью нотариуса. Даже подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность нотариата, издаются министерством только с согласия Федеральной нотариальной палаты (ФНП). На мой взгляд, это очень странно, когда объект регулирования дает согласие на то, каким должно быть регулирование в отношении него. Тарифы опять-таки устанавливаются сами нотариусы, т.е. ФНП во взаимодействии с региональными палатами разрабатывает формулу, которую Минюст должен лишь утвердить. И по мнению ФНП, министерство обязано утвердить предложенные ими тарифы в любом случае.

— Вы считаете, что Министерство юстиции должно устанавливать тариф?

— Мы считаем, что определять тарифы должно государство. В данном случае есть предложение, чтобы

это делало правительство или, учитывая современную тенденцию к делегированию полномочий министерствам, Минюст. Естественно, рассчитывая тарифы, мы должны слушать и слышать нотариальное сообщество, потому что тарифы должны быть окупаемыми, так как нотариат осуществляет свою деятельность за собственный счет и на свой риск. При установлении тарифов мы должны принять во внимание и особенности регионов, которые у нас развиваются по-разному и отличаются друг от друга: Россия — огромная страна, и регулирование нотариальной деятельности у нас является предметом совместного ведения Федерации и регионов. Мы считаем, что Минюст или правительство должны установить верхнюю планку тарифов, а регион будет вправе установить тариф ниже верхнего предела. При этом, конечно же, нотариусы должны иметь право высказать свою позицию в отношении справедливости тарифа.

— Да, доходы у населения совершенно разные в различных частях страны, поэтому в таком предложении есть логика. Законопроект, который предлагает Минюст России, видимо, стремится достичь именно этих целей, решить эти проблемы?

— Да. В нем также много нововведений относительно входа в профессию. Мы считаем, что квалификационные комиссии, которые будут определять профессиональную судьбу нотариуса, должны работать на паритетной основе, и поэтому заложили в закон формулу образования этих самых комиссий. А именно: комиссия должна состоять из восьми человек, в их числе три представителя нотариального сообщества, три представителя Минюста России и два представителя региона. Кроме этого, в новом законе мы меняем требования к нотариусам. Учитывая важность функции, выполняемой нотариусами, на наш взгляд, требования для входа в профессию должны быть повышенными. Также нужно исключить ситуацию, когда нотариус длительное время фактически не исполняет свои обязанности, а вместо него работают помощники.

Далее, меняются подходы к приостановлению членства нотариусов в палатах, к лишению их полномочий. Минюст России сейчас не имеет рычагов влияния на эти решения. Например, мы столкнулись с ситуацией, когда нотариус находится в СИЗО, а нотариальная контора как ни в чем не бывало продолжает рабо-

тать — от имени этого нотариуса работает его помощник, и Минюст ничего не может с этим поделаться. Или другой пример: я лично ничего не имею против профессиональных династий, но разве это нормально, когда один становится нотариусом, проработав всего год в нотариальной конторе, а другой и за 20 лет никак не может получить этот статус.

— Понятно. Но есть такое мнение, что законопроект сводится по большому счету к усилению государственного регулирования.

— В большей степени не к государственному регулированию, а к государственному контролю, которого сегодня практически нет, потому что по ныне действующему закону контроль и надзорные полномочия Минюст России осуществляет только в отношении государственных нотариусов, а нотариальная палата осуществляет контроль за частными нотариусами. Но у нас с 2020 года нет ни одного государственного нотариуса.

— Насколько хорошо контроль над частными нотариусами осуществляет Федеральная нотариальная палата? Какие к ней претензии со стороны государства?

— Основные претензии в том, что фактически сейчас никакого контроля-то и нет. Да, сегодня нотариусы в подавляющем большинстве своем очень квалифицированные и грамотные люди и честно выполняют свой долг. Но есть факты, и таких фактов очень много, когда нотариус совершает противоправные действия, нарушает законы, и зачастую региональные палаты или ФНП не дают оценки таким случаям, не ставят вопрос о наказании либо лишении таких нотариусов полномочий.

— А какова причина, на Ваш взгляд, провала саморегулирования нотариальной деятельности, которое в постсоветский период претворялось в жизнь? Общество оказалось не готово к саморегулированию? Культуры не хватает?

— Поскольку у нас сложилась так называемая латинская система нотариата, когда нотариус, действуя самостоятельно и независимо, выполняет государственные полномочия и действует от имени государства, государство должно его контролиро-

вать, и формировать правила игры должно именно государство.

У Минюста России нет задачи подмять всех нотариусов под себя. Цель реформы состоит в том, чтобы навести порядок в системе. Это же крайне возмутительно, если нотариус 652 дня отсутствует в России, а его контора продолжает работать как ни в чем не бывало. Этого не должно быть. Тарифы зачастую экономически необоснованны. Например, сегодня если бабушка решила подарить внуку однокомнатную квартиру, то нотариальное удостоверение договора будет стоить более 20 000 рублей. Едва ли эта сумма соответствует той работе, которую нотариус осуществляет, удостоверяя простейший, на мой взгляд, договор. С этим надо разбираться. Я не за то, чтобы сократить доходы нотариусов, любая работа должна хорошо оплачиваться, однако нужно исходить из объективных реалий и учитывать интересы тех, кому нотариальная помощь оказывается.

— Что сейчас происходит с движением к адвокатской монополии в сфере судебного представительства?

— Минюсту России дано поручение представить соответствующий законопроект к 31 июля этого года. Здесь у нас есть понимание и полное взаимодействие с адвокатским сообществом, мы нашли точки соприкосновения, достигли согласия по всем вопросам, которые вначале казались нерешаемыми. Думаю, что законопроект появится в установленный срок¹.

Мне не очень нравится, конечно, слово «монополия», но можно, наверное, и так это назвать.

— Если не монополия, то что нас ожидает? Будет какая-то система допусков к судебному представительству?

— Нет, не система допусков. Судебное представительство будет осуществляться преимущественно адвокатами. Это представительство будет носить универсальный характер, т.е. адвокат сможет высту-

¹ Законопроект ID 01/05/07-25/00158248 был опубликован 11 июля 2025 года в ходе подготовки интервью. — *Прим. ред.*

пать представителем по любым делам. По некоторым делам будет введен институт специального представительства отдельными субъектами: аудиторами, патентными поверенными и близкими родственниками в установленных законом случаях. Сотрудники юридических служб смогут представлять интересы только своего работодателя. У госюрбюро будет универсальное представительство, т.е. оно сможет представлять всех, кто обратился в соответствии с законом о бесплатной юридической помощи.

— А возможность представлять самого себя на самом высоком уровне — в Верховном Суде — тоже сохранится?

— Я думаю, что эта возможность должна быть сохранена. Это право человека.

— На этот счет бывают разные мнения. Во Франции, например, только некоторые сертифицированные адвокаты имеют право представительства в Верховном суде (*Cour de Cassation*). Помнится, А.А. Иванов говорил, что высший суд — особый, это как бы чистая лаборатория права, и поэтому в нем человек юридически некомпетентный может быть попросту неуместен. Но, по Вашим словам, выходит, что у нас на всех этажах сохранится демократическая система судебного представительства?

— Мне кажется, это вопрос несколько другого свойства — судоустройства и процесса. Если кто-то считает, что в высших судебных инстанциях представительство должно осуществляться только на профессиональной основе, это требует обсуждения. Пока такой вопрос никто не ставил. На мой взгляд, в соответствии с нашей Конституцией нельзя запретить человеку, который участвует в деле как сторона, запретить самому доводить до сведения суда свою позицию.

— Ходят слухи, что планируется дальнейшая реформа третейских судов. Каких изменений нам стоит ждать в этой области?

— Мы исходим из того, что третейское разбирательство нужно развивать. У нас положение пока очень странное в этой сфере. Третейскими судами рассматривается в год около 3000 дел, и хотя

каждый год наблюдается рост, на фоне 1,8 млн арбитражных дел и порядка 42 млн дел, ежегодно рассматриваемых государственными судами, это капля в море. Государственные суды перегружены, и одним из способов уменьшения этой загрузки является развитие третейского разбирательства, а для того чтобы оно было действенным, популярным, нужно его совершенствовать. Есть, например, идея об отмене национальной экзекватуры, чтобы решения третейских судов по спорам, администрируемым российскими постоянно действующими арбитражными учреждениями, имели силу исполнительного документа. При этом считаем, что решение должно быть обязательно вынесено теми арбитрами, которые включены в рекомендованные списки таких учреждений, а также в специальный реестр, который может вести уполномоченный орган.

Кроме того, мы уже сейчас подготовили и разместили для общественного обсуждения законопроект, который направлен на внедрение механизма принудительного исполнения обеспечительных мер, принятых третейскими судами, администрируемыми постоянно действующими арбитражными учреждениями. При его разработке учитывались положения Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже², рекомендованного Генеральной Ассамблеей ООН как образец для принятия актов национальных законодательств по регулированию международного арбитража, а также успешный опыт имплементирования его положений в законодательство ряда зарубежных юрисдикций. Законопроект получил концептуальную поддержку со стороны бизнеса, заинтересованных органов государственной власти и профессионального сообщества и будет представлен в правительство уже в августе текущего года.

Мы тем самым делаем третейское разбирательство и более привлекательным, и компактным, и скорым. Есть и ряд других предложений по ускорению и упрощению процедур арбитража. У нас при Минюсте России создан Совет по совершенствованию третейского разбирательства, который достаточно плотно и эффективно работает.

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ (англ. *United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL*) о международном торговом арбитраже принят Комиссией ООН по праву международной торговли 21.06.1985.

— Можно ли сказать, что в этой области речь идет в основном о решении технических проблем?

— Как же технических, если мы говорим о том, что отменяем экзекватуру и вводим обеспечительные меры, которые будут исполняться с помощью государственного принуждения! Я бы сказал, что это фундаментальные изменения.

— А вот в области экспертной деятельности что происходит? Есть ли планы что-либо изменить в этой сфере?

— В настоящее время мы представили поправки к законопроекту об экспертной деятельности, который среди прочего должен регулировать и деятельность так называемых негосударственных судебных экспертов. Мы исходим из того, что их деятельность тоже должна регулироваться, потому что эксперты осуществляют очень важную функцию: ведь заключение эксперта является зачастую главным доказательством в деле, и на нем, в общем-то, основывается судебное решение. Мне кажется, что к экспертам так же, как и к адвокатам или нотариусам, должны предъявляться определенные квалификационные и профессиональные требования. Сегодня экспертом может выступать любой человек, имеющий соответствующий диплом, которого суд или следствие назначили в качестве такового для проведения экспертизы, поскольку у него есть специальные познания в нужной области. Мы же исходим из того, что экспертиза — это очень серьезная часть правосудия, и она также должна быть урегулирована. Эта деятельность должна подвергаться воздействию профессиональных, этических стандартов, и контроль за экспертами тоже необходим. Конечно, эксперты должны быть независимыми, никто не может им сказать, к каким выводам они должны прийти. Но государство должно контролировать их статус, соответствие квалификационным требованиям.

— Контроль предполагается установить на входе или на выходе — т.е. на этапе допуска к экспертной деятельности или же на этапе проверки результатов экспертиз в форме ответственности за уже совершенные действия?

— Думаю, что контроль должен быть и на входе, и при осуществлении деятельности в качестве экс-

перта. Не должно быть такого, что, как говорится, заказчик, заплатив деньги, «заказывает и музыку», влияя на заключение эксперта. Поэтому в законе сейчас есть (и в законопроекте сохраняется) положение о том, что существуют определенные виды экспертиз, которые могут проводиться только государственными экспертами. Перечень этих экспертиз определяется правительством.

— Требуются ли какие-то изменения в сфере юридического образования в России?

— Да, думаю, требуются глобальные изменения. Сегодня у нас переизбыток юридических кадров, которые выпускаются из наших учебных заведений. Большинство выпускников юридических вузов, получив диплом о юридическом образовании, в юридической сфере не работают. Есть вопросы к качеству этого образования. Оно, на мой взгляд, не выдерживает никакой критики. У нас есть ряд очень сильных юридических вузов, где крепкий преподавательский состав и серьезные юридические школы, выпускники с очень высоким уровнем образования и профессиональной квалификацией. Но о подавляющем большинстве выпускников юридических факультетов такого, к сожалению, не скажешь. Я считаю, что надо здесь наводить порядок, сокращать число вузов, выпускающих юристов, и, соответственно, сокращать количество выпускников, которые обучаются в них. Например, когда я заканчивал юридический факультет Ленинградского государственного университета, то с учетом всех курсов и отделений на нем училось в общей сложности не более 2000 человек. В год выпускалось около 500 человек, включая заочное отделение. Это покрывало кадровые потребности практически всего Северо-Запада России.

— Но ведь в позднесоветское время потребность в юристах была, кажется, гораздо скромнее? Гражданский оборот был весьма слаб.

— Да, может быть, гражданский оборот был в то время слабее, но были потребности другого рода. Но даже если сейчас потребности выросли в два или три раза, все равно такое количество юридических факультетов и выпускников не требуется, их надо кратно сокращать. Мы сейчас ведем работу по формированию рейтинга юридических вузов

и факультетов. Это тоже шаг к тому, чтобы слабые вузы, которые находятся внизу рейтинга, отмирали. Участвовать в составлении рейтинга, мне кажется, должно все юридическое сообщество.

— Хочется спросить насчет судьбы правовых актов советского времени. Еще в 2011 году было издано Распоряжение Президента РФ об их инкорпорации либо отмене. Но, с точки зрения внешнего наблюдателя, не очень ясно, чем вызывается это особое направление деятельности и почему эта работа так долго ведется?

— Решение этой задачи важно для обеспечения определенности правового регулирования. Есть конкретные дела, когда суды начинают принимать решения на основании советских актов, например какого-нибудь постановления Совета народных комиссаров 1940 года, в результате чего отменяются актуальные градостроительные планы. Мы сейчас подводим черту и определяем, что подлежит и не подлежит применению в принципе.

— Последний наш вопрос — про амурских тигров. Известно, что Вы этой темой занимаетесь. Как так получилось? Связь между Минюстом России и амурскими тиграми неочевидна для широкой публики.

— Занимаюсь этим вопросом скорее в личном качестве, а не как министр юстиции. Начал с 2013 года — возглавил наблюдательный совет Центра «Амурский тигр» по поручению Президента РФ Владимира Владимировича Путина, когда еще работал в контрольном управлении Администрации Президента. Делаю это по зову души и сердца, очень люблю природу, Дальний Восток, 16 лет подряд там отдыхаю, потому

что это удивительные места, и всем советую туда ездить.

— Как изменилась популяция амурских тигров за последние годы?

— В 2013 году численность популяции амурского тигра составляла примерно 430 особей, сегодня мы уже твердо говорим, что их более 750. Россия — один из лидеров в сохранении амурского тигра. Ключевыми достижениями являются ужесточение уголовной ответственности за браконьерство и незаконную торговлю дериватами тигра, включая онлайн-торговлю. За последние 10 лет создано семь новых особо охраняемых природных территорий — теперь их общее количество составляет 25% ареала тигра.

Службы охотнадзора и службы охраны заповедных территорий оснащаются новейшей техникой. На постоянной основе проводятся научные исследования с использованием современных методов и оборудования. Осуществляется полномасштабный учет и мониторинг популяции амурского тигра. Сотрудничество по обмену данными фотомониторинга осуществляется и с зарубежными странами.

Главным принципом работы по сохранению тигра является внимание не просто к отдельному хищнику, а ко всей экосистеме, в которой он обитает. Именно поэтому Центр «Амурский тигр» также реализует проекты по поддержке коренных малочисленных народов, например создание национального парка «Бикин» и его дальнейшее развитие, в частности строительство социальных и туристических объектов.

— Это прекрасно! Спасибо Вам большое за интервью и уделенное время.🙏